

冯骥才《单筒望远镜》（节选）

Фэн Цзицай

Подзорная труба (отрывок)

Более века назад этот дом еще стоял здесь, но вот уж сто лет как его не стало. А это значит, что никто из ныне живущих не видел его.

Жить в Тяньцзине тех лет и ни разу не увидеть этого дома означало совершить преступление против собственных глаз — точно так же, как преступлением против своих ушей было не услышать арий Лю Ганьсяня и преступлением против языка — не отведать рыбьей кожи в кляре по рецепту семейства Бяней. Но все же обиднее всего было не повидать дома.

Рассказывают, что как-то раз, когда дом еще был здесь, один иностранец остановился перед ним и долго на него смотрел, как замороженный. Наконец он поднял камеру и — «щелк!» — сделал снимок. Те, кому доводилось видеть эту фотографию, бывали поражены до глубины души. В самом по себе в доме не было ничего особенного — обыкновенный, средних размеров *сыхэюань*¹ в три двора. Удивительной была старая софора-великан, которая выглядывала из самого его центра. Ее густая пышная крона, как купол гигантского зонта, закрывала собой не только центральный, но и два соседние двора вместе со всеми зданиями и пристройками. Невольно задумаешься: какой могла быть жизнь в этом доме? Как бы то ни было, под защитой такого дерева и ливни не намочат, и не застудят ветра, и не достанет палящее солнце, зимой тепло, летом — прохлада, и никаких тебе забот, только тишь да покой. С приходом нестерпимого летнего зноя в каждом тяньцзиньском дворе сооружали высокие навесы из пихтовых жердей с натянутыми поверх тростниковыми циновками, под которыми можно было переждать солнцепек. Но этот дом прекрасно обходился и без дополнительной тени: огромная софора сама по себе была природным шатром. А что уж говорить, как прекрасна она была в пору цветения!

¹ Сыхэюань — традиционный китайский дом, представляющий собой сориентированный по сторонам света четырехугольный двор с одноэтажными обращенными окнами внутрь зданиями по периметру.

Каждый пятый лунный месяц года дерево утопало в цветах. В это время оно походило на чудесный цветник, распустившийся посреди монотонно-серых кирпичных домов. Его было видно издалека, и ветер разносил по всей округе дивный аромат софоры. Когда задувал с юго-востока, вместе с запахом цветов ветер приносил дым благовоний из храма Чэнхуанмяо у северо-западной стены города. При северо-западном же ветре к струящемуся цветочному аромату примешивался запах ладана из женского буддийского монастыря напротив центрального военного лагеря. В течение всего дня наиболее насыщенным благоухание было на рассвете и на закате, когда отворяли и запирали городские ворота. Открытие и закрытие ворот сопровождалось ударами в колокол с барабанной башни, и тогда цветочный запах сливался воедино с протяжным колокольным звоном.

Был ли это звон в аромате цветов, или в аромате — звон?

А что те люди, что проживали под кроной благоухающего дерева? Как чудесно им дышалось этим душистым воздухом, как сладко им спалось! Обитатели севера города утверждали, что живущие под софорой выходили из дому, оставляя за собой шлейф цветочного аромата. Особенно стоит отметить время окончания цветения, когда вся черепица и земля каждого из дворов были усыпаны, словно снегом, сверкающей белизной опавшего цвета. Сколько ни мети, назавтра на том же месте будет новый слой. Стоило кому-нибудь из женщин ненадолго задержаться во дворе, и почти сразу им на смоляные головы приземлялось несколько зеленовато-белых или бледно-желтых цветов, похожих на драгоценности в их волосах. В это время года владельцы всех старейших аптечных лавок города приходили сюда собирать опавшие бутоны в свои мешочки. Позже, когда посетители их аптек спрашивали про цветы софоры, продавцы неизменно расплывались в улыбке: «Наши цветы — цветы с той самой софоры во дворе семьи Оуян с улицы Фушунце!».

У самой семьи Оуян никогда не было недостатка в цветах софоры, что являлось особым предметом для гордости хозяина дома.

В конце весны превыше всего господин Оуян любил, сняв крышечку с чайной чашки, поставить ее на каменный столик во внутреннем дворе, наполнить горячей кипяченой водой, да так и оставить. Рано или поздно в чашку беззвучно опускалось несколько цветков. Они заваривались в горячей воде, слегка распуская лепестки, и в любое время можно было насладиться душистым цветочным чаем...

Это было так чудесно, и в то же время так обыденно, но разве не поразительна будничность подобного чуда?

Неужели правда существовал на свете такой дом? Но куда он подевался? Куда уехали его жильцы? Что стало с могучей старой софорой? Не мог же никто сдвинуть с места такое огромное дерево? А что та фотография, которую сделал иностранец? Где она теперь? Не исключено, что и людей, выдавших ту фотографию, больше не найти.

Да и чем тут поможет фотография? Ведь она — лишь картинка со следами человеческого пребывания, много ли она может поведать? Если желаете услышать всю историю целиком, как она есть, читайте дальше.

Что ни говори, больше всего сомнений в этом рассказе вызывает точный возраст удивительного дома. В начале повествования говорилось, что сто лет назад он был разрушен, но появился-то он намного-намного раньше.

По мнению одних, дом существовал еще при династии Мин², другие говорят, что один торговец солью построил его в начале правления Цинов³. Как все было на самом деле, доподлинно неизвестно никому. Так или иначе, впоследствии торговец переехал, после него дом многократно менял хозяев, переходил из рук в руки и несколько раз перестраивался до тех пор, пока стало трудно найти хоть какое-то доказательство его минского прошлого. Только пара каменных тигров, что сидели, грозно ощерив морды, у основания арки главного входа, судя по всему, являлась наследием эпохи Мин.

² Династия Мин правила Китаем с 1368 по 1644 год.

³ Династия Цин — последняя из императорских династий, правивших Китаем. Империя Цин существовала с 1644 по 1912 год.

Во все времена человеческое жилище является отражением характера своего владельца. Сменяющиеся хозяева оставляли в облике дома такой же след, какой оставляет в истории страны правление каждого нового императора. И только старая софора неизменно продолжала стоять на том же самом месте во дворе, а если бы кому пришло в голову ее сдвинуть, он скорее надорвался бы и умер, чем преуспел. Один мудрый человек, живший во времена правления императора Гуансюя, однажды заметил, что испокон веков люди прежде строят дом, и только потом сажают сад, и никто не строит дома вокруг деревьев.

Получается, стоило узнать возраст софоры, и стало бы понятно, сколько лет дому. Тогда на выручку пришел один знаток деревьев, который заявил, что старой софоре должно быть не менее трехсот лет. С тех пор стало принято считать, что дом был построен примерно во времена правления минского Ваньли. Однако речь идет только о его первоначальном строительстве. Арка главных ворот, барельеф на каменном экране напротив входа и многое другое появилось при дальнейших перестройках и было той «лептой», которую вносили от себя все последующие хозяева. Приблизительно во времена императора Даогуана домом владел скупщик заморских товаров, нечестным путем наживший себе огромное состояние. Обладая воистину аристократическими замашками, он желал ослеплять своим богатством и ради этого готов был отделать дом чуть ли не золотом и серебром. В качестве первого шага он вознамерился снести входные ворота и отстроить их заново, на шесть чи⁴ выше прежних, а землю и полы внутри зданий выложить новым камнем. К счастью, его супруге очень не нравились птицы, что гнездились в ветвях софоры, ведь в любое время с неба на тебя мог упасть склизкий комок помета. Тогда торговец отказался от своей затеи, выкупил большой участок пустой земли на улице Ляньдяньхоуцзе к северу от реки, построил там новую усадьбу и переехал.

Старому дому повезло, он был спасен от разгрома.

Светлые дни в жизни дома настали, когда он перешел в руки господина Оуяна. Новый хозяин приехал сюда из уезда Цыси, что в провинции Чжэцзян,

⁴ Чи — китайская мера длины, равная $\frac{1}{3}$ метра.

намереваясь открыть магазинчик писчих принадлежностей. Он ничего не менял без лишней на то надобности. Дом понравился ему своими солидностью и внушительностью, спокойствием и благоустроенностью, какие свойственны всем старым усадьбам, потертыми стенами из плотно пригнанного кирпича, увитыми плющом окнами, а в первую очередь — замечательным видом на старую софору.

И не смотрите на то, что Оуян был торговцем, там, откуда он родом, торговцы часто бывают выходцами из семей интеллектуалов. Жители обеих провинций правого берега дельты реки Янцзы — Цзянсу и Чжэцзян — издавна славятся своим уважительным отношением к учености. Разница между ними состоит в том, что в Цзянсу люди больше увлекаются писательством и живописью, поэтому там повсюду художники и стихотворцы. В Чжэцзяне же каждый если не чиновник, так купец. Там у образованных людей два пути: половина идет на государственную службу, вторая — в торговцы. Один только родной город господина Оуяна, Цыси, за всю свою историю подарил стране более пятисот обладателей высшей ученой степени *цзиньши*. Вот и повелось, что чиновники из Чжэцзяна в большинстве своем шли на гражданскую, а не военную службу, а торговцы чтили конфуцианскую мораль. Сколько бы золота и серебра ни приносило им их ремесло, в доме у них никогда не переводился запах бумаги и чернил. Господин Оуян не занимался серьезной перестройкой дома, зато убрал всю ту безвкусную резьбу на дереве и камне, что досталась ему от предыдущих хозяев. На смену связкам монет и горшочкам с неисчерпаемыми сокровищами появились изображения рыбака, дровосека, земледельца и ученого, музыкальных инструментов и каллиграфии, цветов, бамбука и восьми даосских бессмертных. Он избавился от поздних, излишних и неудачных, переделок и оставил только первоначальную безыскусность и умиротворенность старого дома. Господин Оуян чувствовал, что с приходом цинского времени не осталось и следа от величественной атмосферы эпохи Мин, а потому необходимо сохранить так много старины, сколько получится.

Как главе семьи ему полагалось жить в самом дальнем дворе, но заднюю часть усадьбы ветви софоры затеняли так, что туда почти никогда не заходило

солнце. Хозяин увлекался разведением цветов, поэтому избрал для собственного проживания передний дворик. Сюда по утрам и вечерам пробивались косые лучи солнца, света которых вполне хватало для некоторых видов цветов.

Главное здание переднего дворика состояло из центрального зала и двух непроходных комнат по бокам. Зал по задумке был гостевым, а потому просторным и уютным, с высокими потолками и широкими дверями и окнами. В один из дней, сидя там, господин Оуян смотрел из окна на тень от дерева, заполняющую все пространство двора. Было очень красиво, похоже на рисунок тушью. Из всех поэтов прошлого и настоящего наибольшее предпочтение господин Оуян отдавал Су Ши, поэтому совершенно естественно, что в этот миг ему вспомнилась цитата «софоры сень накрыла зал» из его «Эпитафии храму Трех софор». Это описание как нельзя лучше подходило собственному жилищу господина Оуяна. Тогда он обратился к прославленному тяньцзиньскому мастеру Чжао Юаньли с просьбой написать для него каллиграфическим почерком: «Зал под сенью софоры». Затем, не постояв за ценой, он нанял самого известного в городе резчика по дереву, Чжу Синляня, чтобы тот вырезал эту надпись на доске из плотной древесины. Фон выкрасили темным лаком, гравировку покрыли позолотой, а саму доску поместили в центре стены, обращенной ко входу. Это очень оживило зал, придало ему богатый и благородный вид. Вдохновившись достигнутым результатом, господин Оуян решил пристроить на входе в здание изящную резную арку. Плотника пригласили за тридевять земель из его родного городка Цыси. Работа, по традиции тех мест, велась исключительно с естественным оттенком дерева, без применения красок или цветного лака. Все было сделано просто и без изысков. Чувствовалась во всем этом, пожалуй, нотка тоски по прошлым временам.